

УДК 821.111(73)-314"19"

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЭЛИОТОВЕДЕНИЯ: ДИСКУССИЯ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

Ольга Михайловна Ушакова
профессор кафедры зарубежной литературы
Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10. olmiva@yandex.ru

В работе рассматриваются основные тенденции западного элиотоведения последних десятилетий, анализируются причины изменения статуса Т.С.Элиота в постмодернистском культурном пространстве. Особое внимание уделяется дискуссии об антисемитизме–семиофильстве поэта (на материале книги Э.Джулиуса «Т.С.Элиот: Антисемитизм и литературная форма» и лекции Р.Шухарда «Бербэнк с бедкером, Элиот с сигарой. Американские интеллектуалы, антисемитизм и идея культуры»), получившей большой резонанс в западном академическом сообществе.

Ключевые слова: «Век Элиота»; культурные войны; феминистская критика; постколониальная теория; антисемитизм в литературе.

Для элиотоведения последних десятилетий прошлого столетия характерна тенденция отхода от создания трудов обобщающего характера, охватывающих все этапы и виды творческой деятельности Т.С.Элиота. Можно отметить ряд факторов, определивших основные направления развития западного элиотоведения последних трех десятилетий двадцатого века и повлиявших на изменение статуса Элиота, занимавшего на протяжении нескольких десятилетий (1920–60-е гг.) положение «первого» англоязычного поэта – конец «эпохи Элиота» («*Eliot's Age*»):

- формирование новых центров эстетического напряжения;
- развитие новых исследовательских направлений в гуманитарных науках;
- влияние постмодернистских литературно-критических установок;
- появление новых публикаций наследия Т.С.Элиота (факсимиле «Бесплодной земли» («*The Waste Land: A Facsimile and Transcript of the Original Drafts, Including the Annotations of Ezra Pound*»), «Извенции мартовского зайца» («*Inventions of the March Hare: Poems 1909–1917*»), «Виды метафизической поэзии» («*The Varieties of Metaphysical Poetry*»), первый том писем поэта («*The Letters of T.S.Eliot. Vol. 1 (1898–1922)*» и т.д.), повлиявших на смещение фокуса внимания критиков;
- понижение статуса поэта и как следствие, снижение общего интереса к изучению творчест-

ва Элиота в образовательной и научно-исследовательской сферах;

– ощущение исчерпанности тематики, основательно разработанной в неокритике, архетипической критике и трудах систематизирующего культурно-исторического характера и т.д.

Анализ причин, повлиявших на появление новых направлений, как и обзор основных тенденций в развитии элиотоведения, должны стать предметом специального исследования, охватывающего широкий круг вопросов, так как новые подходы и концепции связаны с общей сменой культурных парадигм на рубеже тысячелетий. В настоящей работе мы обратимся лишь к некоторым аспектам освоения литературно-критического наследия Элиота.

Общепринятым стало мнение о том, что наследие Элиота не привлекает новое поколение литературоведов. Исследование его творчества не престижно и не актуально, следовательно, сделать научную карьеру и создать имя, работая сегодня в данном академическом сегменте нельзя (см. дискуссию «Престиж Элиота и элиотоведение: Диагнозы и перспективы», Ланд, 1993 [Eliot T.S. at the Turn of the Century 1994: 215–232]). Американская писательница и критик С.Озик, скептически, иронически и одновременно ностальгически размышляя о завершении «века Элиота» на рубеже 1960–70-х годов, констатирует «уход» Элиота из университетских и школьных программ: «В начале семидесятых

еще можно было здесь или там обнаружить упорствующую кафедру английской словесности, предлагающую студентам старших курсов уходящую натуру – семинар по творчеству Т.С.Элиота. Но к концу восьмидесятых, кажется, только "Любовной песне Дж. Альфреда Пруфрока" удалось преодолеть равнодушие учебных программ – две или три страницы в антологиях, поверхностный обзор для учащихся старших классов и первокурсников. "Пруфрок", и только "Пруфрок" – это все, что знают последние поколения, если знают вообще. Ни "Полых людей", ни "*La Figlia Che Piange*", ни даже "Бесплодной земли". И никогда – "Четырех квартетов". А о существовании священного ископаемого, самого Т.С.Элиота, этого бессмертного исполинского утеса, молодые поколения не имеют вообще никакого представления» [Ozick 1996: 4].

Многие работы об Элиоте конца семидесятых – начала девяностых годов представляют большей частью интерес вне контекста элиотоведения, в рамках развития той или иной актуальной научной методологии или социокультурной дискуссии. Так, например, в исследованиях представителей гендерной и феминистской критики (Э.Даумер, М.С.Карпентьер, Л.Р.Сиверин и др.) отрабатываются специфические исследовательские методологии и идеологические позиции. Их работы интересны, прежде всего, как образцы конкретных литературоведческих направлений, находящихся в конце прошлого века на пике научной моды и, соответственно, способных привлечь определенные материальные ресурсы (гранты, публикации и т.п.). Произведения Элиота являются в большинстве случаев лишь материалом для выражения собственных взглядов исследователя и выработки инновационных методов. Критикам этого типа не интересно творчество поэта как таковое, а его литературная теория воспринимается ими как попытка завуалировать подлинное содержание своей поэзии, запутать следы. Их привлекают такие проблемы, как иерархия полов, соотношение сексуальности и брутальности, антифеминный дискурс («*anti-female discourse*») в поэзии и драме, различные фобии, эдипов и другие комплексы, присущие, по мнению исследователей, личности поэта и т.п. (см. подробный обзор данной проблемы в работе испанской исследовательницы М.Т.Гибер-Мачеда [Gibert-Maceda 1994]). В среде «женской» критики популярен, например, тезис о «женоненавистничестве» поэта, эксплуатируемый в работах многих авторов (Т.Пинкни, Ф.Сикер и др.), упрощающий и сужающий наши представления о личности и творчестве Элиота.

В последнее время определенную популярность приобрел особый марксистско-гендерный

сплав. К сожалению, критики этой направленности порой обнаруживают гораздо более обширные познания идей К.Маркса, К.Цеткин и Р.Люксембург, чем творчества Элиота. В частности, показателен успех доклада на элиотовской секции конференции Ассоциации американской литературы (2003) Дж.Гудспид, аспирантки университета штата Индиана, "Сексуальная политика в "Бесплодной земле": элиотовский взгляд на женщин и их тела в "Игре в шахматы" и "Огненной проповеди" [Goodspeed 2003: 7-8]). Докладчица не вполне уверенно ориентировалась в творчестве великого поэта, что проявилось в ее ответах на вопросы аудитории, но с большим воодушевлением повествовала об угнетенном положении женщины-пролетарки и эксплуатации ее тела в капиталистическом мире, приводя пламенные цитаты из работ социал-демократических активисток. Дж.Хайнс в своем романе о современных литературоведах довольно ехидно замечает: «...профессор литературы на сломе тысячелетий – это тот, кто пишет о чужих текстах. Не обязательно писать литературу, или о литературе, или даже о литературоведении. Главное, чтобы была теория» [Хайнс 2003: 265].

Отвечающим духу времени и представляющим новые «феминистские, культурологические и интертекстуальные» перспективы изучения творчества Элиота является исследование Л.А.Кадди «Т.С.Элиот и поэтика эволюции. Суб/Версии классицизма, культуры и прогресса» («*T.S. Eliot and the Poetics of Evolution. Sub/Versions of Classicism, Culture and Progress*», 2000). Исследовательница показывает, как характерный для девятнадцатого века синтез эволюционной теории (Ч.Дарвин), историзма и мифологизма повлиял на формирование элиотовской концепции западной традиции. Кадди доказывает, что «элиотовский метод охвата и включения всей западной культуры в свои произведения обусловлен восприятием им эволюционной теории, которое сделало возможным для него осваивать прошлое и настоящее в их одновременности» [Cuddy 2000: 21]. В целом, эта работа отличается добротностью и профессионализмом, поэтому, несмотря на спорную концепцию, позволяет по-новому взглянуть на некоторые аспекты творчества Элиота.

Вполне типичные постмодернистские субъективизм и особое внимание к постколониальному культурному пространству демонстрируют Ш.Багчи и Э.Даумер, составители сборника «Международная рецепция Т.С.Элиота» («*The International Reception of T.S.Eliot*», 2007). Так, например, две из 17 включенных в книгу статей касаются восприятия Элиота в бенгальской культуре, в то время как многие культурные регионы

не представлены в данном издании вообще. Вполне оправданно недоумение Дж.Д.Моргенштерна, автора рецензии на этот сборник в «Вестнике» элиотовского общества: «...некоторые географические регионы пропущены, в то время как другим посвящено более одной статье» [Morgenstern 2008: 4]. Возможно, что такой подход объясняется любовью к «родным березам» редакторов сборника, приехавших трудиться в Америку из Индии и Германии, но налицо и культурно-идеологические установки преподавателей университетов Альберты и восточного Мичигана, представивших аудитории «постколониального» Элиота. «Книга должна стать важным ресурсом для ученых всего мира, интересующихся Элиотом и модернизмом, а также постколониальной теорией и модернистской теорией трансляции», – декларируется в рекламном анонсе издательства «Континуум».

Не менее субъективными представляются нам и работы, посвященные анализу социально-политических взглядов Элиота, в которых порой частный мировоззренческий аспект рассматривается как основание всей художественной системы, генеральная линия творчества поэта. В работах последних лет обсуждаются симпатии поэта к фашизму (М.Трэтнер, Д.Томпсон и др.), его «белый» расизм (М.Норт), тяготение к наиболее консервативным политическим течениям 1930–40-х гг. (политические «мандарины» и Элиот – у Дж.Купера) и т.п.

В какой-то мере уход от изучения текста к общим, внелитературным конструкциям и построениям объясняется не только невозможностью отыскать что-либо новое в творчестве Элиота. Он является также следствием смены поколений и результатом «культурных войн» («*Culture War*»). Исследователь из Кента Д.Эйрз в книге «Литературная теория: Реинтродукция» («*Literary Theory: A Reintroduction*», 2008), в соответствующей главе («*PC Wars*») датирует начало современных культурных войн рубежом девяностых: «Начало периода политико-корректных баталлий (позднее названных культурными войнами) в США можно отнести к 1991г., когда выражение "политическая корректность" ("*political correctness*") стало широко использоваться» [Ayers 2008: 163]. Эйрз констатирует приход на смену старой гвардии исследователей, консервативных приверженцев «пристального чтения» («*close readers*»), нового поколения профессорско-преподавательского состава, чьими лозунгами стали феминизм, пропаганда чернокожих активистов («*black activism*») и социальный либерализм.

В настоящий момент сложно предсказать, насколько плодотворными станут обозначенные

выше критические подходы вне контекста современной культурной ситуации, смогут ли они остаться интересными и полезными будущим поколениям исследователей, каковыми до сих пор являются многие работы 1920–50-х гг. (труды Ф.Ливиса, М.Бодкин, К.Брукса, Ф.Маттисена, Х.Гарднер, Г.Смита и др.). Очевидно, что любому исследователю модернизма невозможно не учитывать сложившийся в постмодернистской критике круг проблем, постмодернистский литературно-критический «канон».

Одним из таких вопросов является дискуссия об антисемитизме Элиота, в ходе которой потрачено уже большое количество критико-публицистической энергии. Начало этой затяжной полемики положил Э.Джулиус своей книгой «Т.С.Элиот: Антисемитизм и литературная форма» («*T.S. Eliot, Anti-Semitism and Literary Form*», 1995). Эта тема продолжает занимать исследователей по сей день. Одна из последних работ, представляющих оппонировавшую Джулиусу сторону – лекция Р.Шухарда «Бербэнк с бедкером, Элиот с сигарой. Американские интеллектуалы, антисемитизм и идея культуры» («*Burbank with a Baedeker, Eliot with a Cigar. American Intellectuals, Anti-Semitism, and the Idea of Culture*»), опубликованная в 2003 г.

Антисемитизм Элиота стал наиболее узнаваемой и часто упоминаемой темой в кругах элиотоведов и исследователей англо-американской культуры. О высокой степени общественного и научного резонанса этого вопроса свидетельствует факт его включения в художественные тексты в качестве активного элемента развертывания сюжетной линии. Так, в «Рассказе лектора» современного американского писателя Дж.Хайнса (James Hynes, «*The Lecturer's Tale*», 2001), жанровом гибриде университетского и готического романов, довольно злой сатире на нравы американского преподавательского сообщества, паттерн «Элиот-антисемит» представлен как уже устоявшийся сегмент академического дискурса.

Главный герой романа, преподаватель словесности, Нельсон Гумбольдт получает анонимные письма-коллажи, отражающие наиболее актуальные аспекты исследовательской и педагогической деятельности его коллег-литературоведов. Дж.Хайнс, прекрасно знающий академическую среду, создает соответствующие пародийные конструкции: «Текст, как и в прошлый раз, представлял собой коллаж из цитат. Начинаясь он слегка переделанным отрывком из "Венецианского купца" <...>. Далее шел длинный хлесткий абзац, озаглавленный "Мелкий шрифт", в котором Нельсон узнал видоизмененный отрывок из статьи Т.С.Элиота. Цивилизация

с буквой "С" – европейская, христианская, гетеросексуальная – защищались здесь от "еврейского вольнодумства". Одни псевдоглубокомысленные слова громоздились на другие, кристаллизуя самую суть культурных войн: однородность и стабильность – Добро, терпимость и плюрализм – Зло. Юдофобию Элиота анонимный автор распространил на геев и лесбиянок. Несмотря на семитское и гомосексуальное влияние, утверждало переработанное эссе, западная культура остается "высочайшей культурой, какую знал мир"» [Хайнс 2003: 262]. В процитированном отрывке созданный писательским воображением Хайнса персонаж перечисляет весьма злободневные темы профессиональных литературоведческих дискуссий. В том числе, в письме упоминаются работа Элиота «Поклоняясь чужим богам» («*After Strange Gods*»), а также шаржированы социокультурные взгляды Элиота, в частности, его идея европейской культуры. Предшествующее анонимное письмо представляло собой «парафразу писаний Элиота и Паунда» [Хайнс 2003: 137], где цитировались строки из стихотворения Элиота «Бербэнк с бедкером: Блайштайн с сигарой» («*Burbank with a Baedeker: Bleistein with a Cigar*», 1919). Подбор цитат из упомянутых выше элиотовских сочинений не случаен, именно они фигурируют чаще всего в работах, посвященных антисемитизму Элиота. Использование же их американскими преподавателями-словесниками во внутрикафедральных интригах в романе Хайнса объясняется реалиями западной академической жизни («культурными войнами»), в данном случае широким распространением культурологических споров, вызванных публикацией книги Энтони Джулиуса.

Основным положением книги «Т.С.Элиот: Антисемитизм и литературная форма» является тезис о том, что использование Элиотом «антисемитского дискурса» – неотъемлемая часть его творчества. Книга Джулиуса открывается словами: «Антисемиты бывают разными, одни ломают евреям кости, другие ранят еврейскую душу. Элиот подпадает под вторую категорию. Он вел себя цивилизованно по отношению к евреям, с которыми был лично знаком, но нанес обиду тем, кто знал только его творчество» [Julius 1996: 1]. Джулиус относит к антисемитским произведениям как поэтические тексты Элиота («Бербэнк с бедкером: Блайштайн с сигарой», «Геронтион», «Несвежее яйцо», «Суини среди соловьев», четвертая часть «Бесплодной земли» и «Заупокойный гимн», «Суини-агонист», «Песнь Симеона» и др.), так и его социокультурные работы («Поклоняясь чужим богам», «Идея христианского общества» и др.).

Наиболее оскорбительным, по мнению Джулиуса, является пассаж из работы «Поклоняясь чужим богам», виргинской лекции Элиота 1933г., о нежелательности присутствия в однородном по национальным и религиозным признакам обществе большого числа евреев-вольнодумцев («*free-thinking Jews*» [Eliot 1934: 20]), нарушающих социальную гармонию общины. Действительно, этот тезис, особенно взятый вне контекста, звучит расистки и устрашающе. Сразу отметим, что сам Элиот вполне осознавал незрелость и полемичность ряда положений лекции, результатом чего стало его нежелание как обсуждать изложенные в ней позиции, так и переиздавать эту работу впоследствии. Также откровенно шокирующими и «жалящими» Джулиус называет строки из «Геронтиона» («*Gerontion*» 1919, опублик. в 1920) и «Бербэнка». «Ни у одного еврея не возникнет сомнений в антисемитизме автора следующих строк», – замечает Джулиус, цитируя «Геронтиона»: «На подоконнике сидит еврей-хозяин // В Антверпене проклюнувшийся в мир, // В Брюсселе забуревший, в Лондоне обшитый и ощищенный» [Элиот 2000: 41].

В целом Джулиус выделяет три основных аспекта антисемитизма Элиота:

- неприятие фигуры еврейского скептика, либерального мыслителя («*a free thinker*»);
- равнодушное отношение к трагедии еврейского народа («*Jewish pain*») и равнодушие к антисемитизму других;
- неспособность Элиота побороть («*to confront*») собственный антисемитизм.

По мнению Джулиуса, «Элиот сам взрастил в себе антисемита» [Julius 1996: 11], впитав антисемитские настроения, главным образом характерные для Америки, Франции и Англии.

Джулиус рассматривает творчество Элиота как в определенном социально-историческом контексте (раздел «Антисемитизм Элиота и антисемитизм его эпохи (и нашего времени)»), так и в рамках европейской литературной традиции, обращаясь к антисемитским тенденциям в творчестве Ч.Диккенса, Э.Паунда, У.Льюиса, П. Де Мана и др. В своей книге Джулиус опирается на обширный фактический материал (исторические работы, периодика, архивные документы и т.п.), что позволяет его критике Элиота звучать убедительно, аргументировано, академически обстоятельно. В то же время автор монографии отдает дань духу времени, следуя сложившимся в критике постмодернистского периода социокультурным стандартам. Джулиус вписывает антисемитизм Элиота в характерную политкорректную схему «расизм, шовинизм, антифеминизм» и

Ушакова О.М. О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЭЛИОТОВЕДЕНИЯ: ДИСКУССИЯ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

теорию «инаковости» («*Other*»). В разделе «Антисемитизм, женоненавистничество, расизм» исследователь замечает: «Вот "негры" Элиота. В его творчестве "женщины", "евреи" и "негры" являются "чужаками", хотя и не вполне взаимозаменяемы» [Julius 1996: 25].

Своего рода реакцией на широкий резонанс книги «Т.С.Элиот: Антисемитизм и литературная форма» стала лекция Р.Шухарда «Бербэнк с бедекером, Элиот с сигарой. Американские интеллектуалы, антисемитизм и идея культуры». Шухард известен как один из ведущих современных элиотоведов, опубликовавший и представивший лекции Элиота о метафизической поэзии, автор монографии «Темный ангел Элиота. Пересечения жизни и искусства» («*Eliot's Dark Angel. Intersections of Life and Art*», 1999). В лекции Шухарда, как и в книге Джулиуса, содержатся интересные биографические факты и ранее не публиковавшиеся материалы. Одно из исходных положений работы Шухарда – «христианин не может быть антисемитом». Позиция Шухарда явно противоположна концепции Джулиуса. Начальному тезису книги Джулиуса, его заявлению об антисемитизме Элиота противопоставлены заключительные элегические строки работы Шухарда о семитофильстве поэта, являющиеся парафразом фрагмента четвертой части поэмы «Бесплодная земля» о Флебе-финикийце: «Эллин или иудей... Вспомни об Элиоте, филосемите, и он был исполнен силы и красоты» [Schuchard 2003: 32].

В работе Шухарда приводятся интересные и малоизвестные факты, опровергающие мнение об антисемитизме Элиота: его дружеские связи (например, тесная дружба с Марксом Грушо, продолжавшаяся практически до последних дней жизни поэта), диалог с еврейскими интеллектуалами и сионистами о принципах социального переустройства послевоенной Европы, действенная помощь еврейским беженцам из нацистской Германии, начиная с середины 1930-х гг. и т.д.

Шухард комментирует практически те же тексты, что и Джулиус, но интерпретирует их иначе. Так, например, исследователь в ином контексте обращается к стихотворению «Бербэнк с бедекером: Блайштайн с сигарой», этот подход можно обозначить как более традиционный, «преджулиусовский» или «про-литературный». Действительно, если мы обратимся к классическим элиотоведческим трудам, таким, как «Руководство к избранной поэзии Т.С.Элиота» («*A Guide to the Selected Poems of T. S. Eliot*») Б.Саудема, то в обширных комментариях к тексту найдем лишь одно упоминание об антисемитском подтексте стихотворения, являющееся по сути ссылкой на книгу К.Рикса [Southam 1994: 79–92]. Основная тема «Бербэнка» рассматривается Саудемом в

русле венецианской темы в европейской литературе («*the literature of Venice*») – Дж.Г.Байрон, Т.Готье, Дж.Рескин, Г.Джеймс и т.д. Шухард расширяет этот контекст тремя елизаветинскими пьесами: «Мальтийским евреем» К.Марло, «Венецианским купцом» У.Шекспира и «Вольпоне» Б.Джонсона, а также «Улиссом» Дж.Джойса. Шухард говорит и об искушении биографическими фактами при анализе данного текста, попытке увидеть в образах Бербэнка и Волюпины намек на любовную историю философа Б.Рассела и Вивьен, первой жены Элиота.

Очевидно, что в рецепции элиотовского «Бербэнка», как и других его произведений, рассматриваемых современными литературоведами в ракурсе антисемитизма, произошла та же смена фокусов восприятия, что и по отношению к «Венецианскому купцу» У.Шекспира, «Скупому рыцарю» А.С.Пушкина, «Оливеру Твисту» Ч.Диккенса и т.п. Можно обозначить этот феномен как «синдром Шейлока». Исследователь О.Проскурин в работе «Чем пахнут червонцы? Об одном темном месте в "Скупом рыцаре", или Интертекстуальность и текстология», рассуждая о «шекспиризме» Пушкина, отмечает условность и литературность персонажей-евреев в елизаветинском театре и понимание этого автором «Скупого рыцаря»: «Сценическая и достаточно условная фигура имморального еврея позволяла до предела заострить ряд драматических коллизий. Пушкин отчетливо осознал эту специфику образа – по сути дела, сугубо литературную, "знаковую" – и сполна использовал ее в своей пьесе» [Проскурин 1999: 362]. Эту же литературность элиотовских персонажей подчеркивает и Шухард, допускающий, что Элиот не предполагал интерпретации его стихов как антисемитских. В качестве одного из аргументов в защиту сугубой литературности персонажей «Геронтиона» и «Бербэнка» американский исследователь, основываясь на биографических материалах, предлагает следующее рассуждение: «Если учесть все это общение и связи и осознать, что читателями и издателями стихотворений Элиота, считающихся антисемитскими, были евреи, а также, если принять во внимание внутреннее состояние Элиота во время написания этих произведений, можно ли поверить, что доминирующим мотивом его поэзии было выражение ничем не обоснованного антисемитизма перед лицом его еврейских друзей?» [Schuchard 2003: 11].

Известно, что Диккенс в свое время откорректировал текст своего знаменитого романа, отреагировав на обвинения его в антисемитизме: «В 1867-1868 годах вышло новое издание произведения Диккенса. Диккенс пересмотрел текст

Ушакова О.М. О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЭЛИОТОВЕДЕНИЯ: ДИСКУССИЯ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

"Оливера Твиста", внося в него сотни изменений, многие из которых имели отношение к Феджину. Он исключил большинство упоминаний о Феджине как о "еврее", либо вычеркнув их, либо заменив их на "Феджин" и "он"» [100 запрещенных книг 2008: 311]. Элиот не подвергал переработке свои произведения, как и не оставил публичных высказываний в защиту своих стихов, так как при жизни его поэзия в критике не подвергалась обвинениям как «антисемитская», за исключением отдельных частных случаев. В работе Шухарда приведены фрагменты его ответного письма к Э.Филду из Нью-Йорка, обвинившего Элиота в проявлении антисемитизма в поэзии (архив университета Остина, Техас). Элиот поясняет: «Я боюсь, что Вы слишком чувствительны и, как некоторые другие люди, склонны находить антисемитизм там, где слово "еврей" используется по отношению к личностям, представляющим не самых лучших представителей своей нации. В моей поэзии нет антисемитизма. Возможно, Вы отметили персонажа-еврея в стихотворении о Венеции, в котором предполагается, что читатель может увидеть некоторый контраст между современной Венецией и той, что изображена в пьесе Шекспира. В другом стихотворении есть также отсылка к еврейскому домовладельцу». Элиот признает, что его корреспондент имеет право понимать эти образы по-своему, но это не может являться основанием для обвинений его в антисемитизме: «Я не более антисемит, чем антиваллиец ("anti-Welsh") или антиэскимос ("anti-Eskimo")» [Schuchard 2003: 26].

Более широко известна реакция Элиота на критику его социокультурных воззрений. Так, работа «Поклоняясь чужим богам» вызвала непосредственное осуждение за ряд весьма спорных идей. В ответ на справедливую критику Элиот неоднократно выражал свои сожаления по поводу некоторых своих некорректных высказываний. Шухард отмечает, что крайне неудачное высказывание Элиота о «евреях-вольнодумцах» не могло не покоробить многих читателей, к числу которых литературовед относит и себя. В то же время Шухард пытается прояснить подоплеку и цель этого положения и комментирует его не как антисемитское, а как «антилиберальное». В работе Шухарда приведены многочисленные примеры оправданий Элиота по данному злополучному факту, в том числе, и в публичных выступлениях. Весьма ясно выражена позиция Элиота в его письме к Исайе Берлину, с которым поэта связывали дружеские и рабочие отношения как с одним из авторов «Крайтериона». Элиот пишет: «Фраза, которую Вы совершенно справедливо считаете обидной, конечно, никогда бы вообще не появилась, если бы я только мог

представить, чему суждено было произойти и что уже тогда началось в Германии <...> Я до сих пор не понимаю, почему слово "раса" оказалось в этом предложении, ведь мое внимание было сосредоточено на определении "вольнодумные" ("adjective "free-thinking")» [Цит. по: Schuchard 2003: 23].

Дискуссия об антисемитизме стала одним из наиболее ярких явлений в современном западном элиотоведении (в отечественной критике можно отметить эссе Е.Бауха, развивающего идеи Э.Джулиуса). Подобная полемика в настоящее время вряд ли возможна в отечественной науке, прежде всего, потому, что до сих пор модернистская литература недостаточно изучена и с самых общих позиций. Писателям-модернистам в нашей стране не повезло: в советский период по отношению к ним господствовала вульгарно-социологическая точка зрения, в девяностые и нулевые годы внимание литературоведов-зарубежников сосредоточилось на творчестве постмодернистов. Остается надеяться, что и у нас появятся многочисленные фундаментальные труды, в которых бы исследовались различные аспекты творчества Дж.Джойса, Т.С.Элиота, В.Вулфа, Д.Г.Лоуренса, Э.Паунда, У.Льюиса и др., что подготовило бы почву для развития самых неожиданных и захватывающих литературоведческих сюжетов.

Список литературы

- Баух Е. К 100-летию со дня рождения Томаса Стернса Элиота. Одноклеточный еврей и перспектива Каналетто // <http://akobrinsky.tripod.com/bauh/bauh-97.html>
- Проскурин О.А. Поэзия Пушкина или подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- Хайнс Дж. Рассказ лектора. Роман / пер. с англ. Е.Доброхотовой-Майковой. М.: ООО "Издательство АСТ"; ЗАО НПП "Ермак", 2003.
- 100 запрещенных книг: цензурная история мировой литературы / Николас Дж. Каролидес, Маргарет Балд, Дон Б. Соува, Алексей Евстратов; пер с англ. Э.Богдановой. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008.
- Элиот Т.С. Полые люди / сост. В.Л.Топоров. СПб.: ООО "Издательский Дом "Кристалл", 2000.
- Элиот Т.С. Избранное. Т. I-II. Религия, культура, литература / пер. с англ., под ред. А.Н.Дорошевича; сост., послесл. и комм. Т.Н.Красавченко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
- Ayers D. Literary Theory: A Reintroduction. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing, 2008.

**Ушакова О.М. О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЭЛИОТОВЕДЕНИЯ:
ДИСКУССИЯ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ**

Cuddy L.A. T.S.Eliot and the Poetics of Evolution. Sub/Versions of Classicism, Culture and Progress. Lewisburg: Bucknell University Press; London: Associated University Presses, 2000.

Eliot T.S. After Strange Gods. A Primer of Modern Heresy. The Page-Barbour Lectures at the University of Virginia. 1933. New York: Harcourt, Brace & Company, 1934.

Eliot T.S. at the Turn of the Century / ed. by M.Thormahlen. Lund: Lund University Press, 1994.

Gibert-Maceda M.T. T.S. Eliot on Women. Women on T.S.Eliot // *Eliot T.S. at the Turn of the Century*. Lund: Lund University Press, 1994. P. 105–119.

Goodspeed-Chadwick J. Sexual Politics in «The Waste Land»: Eliot's Treatment of Women and Their Bodies in «A Game of Chess» and «The Fire Sermon» // *Feminismo/s*. 2004. No. 4. P.117–125.

Julius A. T.S.Eliot, Anti-Semitism and Literary Form. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1996.

Morgenstern J.D. Rev. of *The International Reception of T.S.Eliot*. London: Continuum, 2007 // *Time Present*. The Newsletter of T.S.Eliot Society. No.65. Summer 2008. P.4–5.

Ozick C. T.S.Eliot at 101: «The Man Who Suffers and the Mind Which Creates» // *Ozick C. Fame and Folly*. New York: Alfred A. Knopf, 1996. P.3–49.

Southam B.C. A Guide to the Selected Poems of T.S. Eliot. San Diego; New York; London: A Harvest Original; Harcourt Brace & Company, 1994.

Schuchard R. Eliot's Dark Angel. Intersections of Life and Art. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999.

Schuchard R. Burbank with a Baedeker, Eliot with a Cigar. American Intellectuals, Anti-Semitism, and the Idea of Culture. The Cleanth Brooks Lecture of American Literature and Culture 2002. London: University of London; The Institute of United States Studies, 2003.

**ON SOME TRENDS OF CONTEMPORARY T.S.ELIOT STUDIES:
DISCUSSION ON ANTI-SEMITISM**

Olga M. Ushakova

**Professor of Foreign Literature Department
Tyumen State University**

The paper deals with the main trends in contemporary T.S.Eliot studies in the West. The author analyses the reasons of a lowering reputation of Eliot in postmodern cultural continuum. The research attention focuses on the discussion having a great response, the problem of anti-Semitic/philo-Semitic issues in Eliot's writings (mainly based on A.Julius's «T.S.Eliot, Anti-Semitism and Literary Form» and R.Schuchard's «Burbank with a Baedeker, Eliot with a Cigar. American Intellectuals, Anti-Semitism, and the Idea of Culture»).

Keywords: «Eliot's Age»; Culture Wars; feminist criticism; postcolonial theory; anti-Semitism in literature.